

Актовые книги городских магистратов как источники
по истории языков Великого Княжества Литовского

К настоящему времени установлено, что в многоэтническом обществе ВКЛ сложилась особая языковая ситуация, которая пока досконально не изучена и которую историки и филологи чаще характеризуют как множество диглоссий. За каждым из языков были закреплены свои общественные функции [1, 20]. В сфере правового обеспечения ВКЛ функционировали польский (среднепольский, древнепольский), латинский и старобелорусский языки. Для старобелорусского языка, запечатленного в многочисленных дошедших до нас памятниках письменности, это был период расцвета, период его высокой коммуникативной значимости, исключительной востребованности в социально-экономических отношениях [2].

В XV-XVII вв. формируется и активно функционирует такая разновидность старобелорусского языка, как язык деловой письменности или канцелярско-юридический, актовый язык. Этим термином в историческом языкознании называют язык памятников юридической письменности, количество которых, по мнению исследователей, исчисляется десятками тысяч. Потребности регулирования социально-экономических отношений, необходимость их правообеспечения еще в древнерусский период привели к созданию этой особой разновидности письменных источников, численность и жанровое разнообразие которых стремительно возрастает в старорусский и старобелорусский период (XV – XVII вв.). Отражившийся в них язык становится одной из значимых письменных традиций и выступает как автономный узус, имеющий свою стратегию. М.Л.Ремнева, например, считает, что существование в период XI – XVII вв. двух письменных языков (книжно-славянского и делового) характеризуют специфику культурно-письменной ситуации на Руси. Они были оба нормированными, письменно зафиксированными, обслуживали свой круг текстов, практически до середины XVI в. минимально влияли друг на друга, подчинялись разным нормам, были кодифицированными [3,17].

В истории белорусского литературного языка язык старобелорусской деловой письменности сыграл очень важную роль, став средством письменного общения, тесно связанным с народной речевой стихией. По сути, именно в деловом старобелорусском языке проходил отбор наиболее жизнеспособных языковых средств национального характера.

Актовые книги – это особый вид документов, представляющих собой специальные книги, которые велись в судах ВКЛ в XVI – XVIII вв. В практику правовых отношений они были введены Статутом 1529 года (р.6, арт.3). Все записи в таких книгах осуществлялись по очереди, по мере поступления дел в суд. Статутом 1588 года был конкретизирован и детально оговорен характер ведения записей. В зависимости от вида судов актовые книги могли быть городскими (замковыми), зем-

скими, трибунальскими, подкоморскими и др. [4, 212]. Свое место среди них занимали и актовые книги городских магистратов или магистратские.

Магистрат в ВКЛ являлся, как известно, выборным административным и судебным органом городского самоуправления в городах, которые имели так называемое магдебургское право, т.е. право на самоуправление. Появились магистраты в конце XIV – XV вв., состояли из городской рады (органа самоуправления) и лавы (судебного органа). Сфера деятельности городских магистратов была чрезвычайно разнообразной: в магистратах должны были регистрироваться акты нотариального характера (дарения, купли-продажи, завещания), хозяйственно-финансовые и административные отношения и др. Все это создавало условия для отражения в актовых записях различных сторон жизни тогдашнего общества, привлечения в язык этих записей всего богатства письменной и устной речи.

Актовые книги городских магистратов дошли до нас в большом количестве. Сегодня, по свидетельству историков, в Национальном историческом архиве Беларуси хранятся актовые книги 33 населенных пунктов до 1795 года, всего 572 единицы хранения на 147 465 листах. К эпохе существования ВКЛ относится 5 книг могилевского магистрата, 51 книга различных других белорусских городов. В Национальном историческом архиве Беларуси в 1999 году была основана серия “Беларусь у актавых кнігах XVI-XVIII стст.”, два первых выпуска которой посвящены могилевскому магистрату. Особое место в актовом наследии занимают актовые книги полоцкого магистрата, которые по количеству уступают лишь актовым книгам могилевского магистрата. Недавно в широкий научный оборот была введена актовая книга полоцкого магистрата 1650 года, подготовленная к изданию М.Ю. Гордеевым (Минск, 2006).

Показательно, что актовые книги, как и другие памятники деловой письменности, в практике белорусоведения издаются, как правило, историками, комментируются, соответственно, с исторических позиций, с этих же позиций и оформляются. Собственно лингвистических изданий практически нет, а лингвисты вынуждены пользоваться историческими изданиями. Между тем обращение к специальному лингвистическому изданию того или иного памятника письменности, как показывает опыт, позволяет поднять работу по изучению его языка на качественно новый уровень. Особую роль в этом играет существование в подобных изданиях словоуказателей, списков антропонимов, топонимов и т.п. Такие издания русских памятников письменности регулярно осуществлялись в 60-80-е годы прошлого века под руководством С.И. Коткова, они и по сей день служат лингвистам.

Что касается актовых книг городских магистратов, то на необходимость подготовки и выпуска их «лингвистических» изданий неоднократно указывали историки, акцентируя внимание на существовании трудностей в их «расчитывании». Плохо к тому же изучены язык и палеографические особенности актовых книг [5, 4].

Однако независимо от того, в каком виде попадают к исследователю-филологу записи актовых книг, их ценность для изучения запечатленных в них языков сомнений не вызывает. Попробуем на примере уже упоминавшейся «Ак-

товой книги полоцкого магистрата 1650 года» (далее АКПМ) сформулировать основные проблемы, указать возможные направления изучения языковых особенностей.

АКПМ и ее язык представляет несомненный интерес для изучения языковой ситуации в ВКЛ позднего периода. Общеизвестные и общепринятые выводы о функционировании старобелорусского, старопольского (польского) и латинского языков могут и должны быть скорректированы. Есть основания считать, что на пограничных территориях складывалась особая языковая ситуация. Границы с Московской Русью в районе Полоцка были подвижны, часто менялись, наблюдалась, по свидетельствам историков, миграция населения [6, 28]. Все это создавало условия для проникновения в старобелорусский язык старорусских черт, формирования специфической территориальной разновидности старобелорусского языка.

Известно, что проблема существования особого языкового смоленско-полоцкого ареала в историческом языкознании вставала. Ей посвящена работа А.И.Соболевского «Смоленско-полоцкий говор в XIII-XIV вв.» (1886). Если согласиться с выдающимся исследователем и признать существование в древнерусскую эпоху такого говора, то что стало с ним в эпоху раздельного существования восточнославянских языков?

Указанная работа почти содержит ответ на этот вопрос. Ее автор считает, что разного рода исторические события привели к уменьшению количества исконного населения, поэтому постепенно «перестали слышаться особенности древнего смоленско-полоцкого говора, они сохранились только на окраинах того пространства, где звучали прежде» [7, 23]. Однако речь в этом утверждении не идет о возможном более позднем формировании смоленско-полоцкой диалектной зоны, черты которой могут обнаружиться в актовых записях.

Специфика содержания актовых книг вообще и АКПМ в частности предполагает широкую фиксацию имен собственных. Записи, представлявшие собой документы разного рода, предназначались для конкретных людей, регулировали имущественные и правовые отношения между ними. Как известно, в XVII веке еще не существовало юридически закрепленных форм имен собственных. Старобелорусский антропонимикон к этому времени в качестве константы приобрел обусловленный в основном религиозной традицией состав имен. Фамилии же и отчества как средства идентификации лиц находились в стадии становления.

В актовых записях мы находим различные по своему составу средства именования людей: двучленные (имя + фамилия/прозвище), трехчленные (имя + отчество + фамилия), многочленные, модель которых определяется с трудом. Так, вполне современно выглядят такие образования, как *Агапонович Татьяна Яновна* (92), *Ходыка Артем Микулич* (30), *Коновал Данило Амбросович*(38), *Костюкович Федор* (4), *Храп Максим* (66), *Клюй Михаил* (66), *Блыха Стефан* (66) и др. Однако в актовых записях полоцкого магистрата 1650 года находим и такие антропонимические конструкции: *Кособуцкая Полоня Ивановна Наплюшанка* (74), *Маруша Гаврыловна Васюковичовна* (102), *Люба Андреева Григорьевна Ахремовичова Царова* (176), *Щасновичовая*

Мартиновья Маря Стрелковна (96), Евдокия Мелешковна Дорофеевна Ахрамеевичовья (65), Шпакович Авдотя Грыгоревна Становчанка (229) и др.

В известных работах по белорусской исторической антропонимике отмечается, что подобные многочленные образования возникали в ответ на желание учитывать в именовании человека не только его имя, имя его отца, фамилию, нередко восходящую к прозвищу, но и имя мужа, место проживания и другие сведения [8]. Актовые записи позволяют провести наблюдения над закономерностями возникновения таких многочленных антропонимических конструкции, особенностями их функционирования и эволюции. Однако этим «антропонимическая» ценность анализируемых памятников письменности не исчерпывается.

Уже отмечалось, что сохранилось большое количество актовых книг городских магистратов, они датированы, доподлинно известно место их возникновения. Все это в сочетании с высокой насыщенностью актовых записей антропонимами создает прекрасные условия для выяснения особенностей состава антропонимов различных белорусских территорий, получения выводов о характере старобелорусского антропонимикона вообще, о закономерностях и направлениях его эволюции, о происхождении и миграции различных фамилий и т.д. Следовательно, актовые книги городских магистратов являются ценными источниками по изучению старобелорусской антропонимики.

Актовые книги городских магистратов имеют существенное значение для изучения системы номинативных средств старобелорусского языка. Особенно ценными они могут стать в изучении *названий документов, строений, имущества, лиц по профессии и роду занятий*. Так, например, в АКПМ находим славянские по происхождению однословные названия документов (*прызьнане, справа, прысега, листъ, парука, позволенье* и др.), а также заимствованные, скорее всего, через польский из латинского: *протестация, актикация, декрет, инътромисия* и др. По понятным причинам в актовых записях много наименований лиц по роду занятий: *балтушник, барышник, болдыш, будовничий, гершитъ, дейца, дяляторъ, дозорца, злотникъ, кравецъ, резникъ, челядникъ, цырульникъ* и др.

Несомненный интерес представляет и традиция именовать документы не только по виду, но и по конкретному его содержанию: *Декретъ в справе Андрея Цара з Ываном Игнатовичомъ Тетерою о цыбулю (33); Признанне слуги вradoвого, ижъ перед ним пан Ян Кгрымайла з ураду своего лавничого зрекълъсе (77, Признане пана Артема Микулича чверти кгрунту на вечност Михалку Гарбачонку, купъцу, подданному их милостей ойцов езуитов зъ Сосницы (139), Декрет о справе Андрея Лашутенка зъ тещею своею Марушою Тарасовною о затрымане жоны его (205)*. В таком расширительном именовании документов были свои закономерности, обусловленные определенными юридическими обстоятельствами, закономерности же их языковой организации нуждаются в выявлении.

В историческом языкознании применительно к памятникам письменности, особенно деловым, принято говорить о таком явлении, как их формуляр. При этом подразумевают тот трафарет, по которому они написаны, и входящий в него набор языковых средств. Такие формулы ввиду частого повторения вовлекались в процесс фразеологизации, становились устойчивыми. Насколько известно автору

этих строк, формуляр актовых записей в книгах городских магистратов лингвистическому анализу еще не подвергался.

Есть основания считать, что окончательно формуляр определялся жанром внесенного в книгу документа, однако общие для всех документов черты выявить можно. В актовой записи после даты и расширительного наименования документа шел его текст, особым образом организованный. Условно структура такого текста содержит 5 блоков (назовем их по первым словам): 1) *При бытности...*, 2) *Перед нами...*, 3) *Постановивъшысе очевисто...*, 4) *Мы судъ(врадъ)...*, 5) *До книгъ меских записано...* В первом блоке, который начинался со слов *при бытности* обязательно указывалось, кто в это время, когда рассматривалось дело, был членом административного органа городского самоуправления: *При бытности пана..., райцы места Полоцкого...* Во втором блоке указывалось, кто именно занимался решением возникшей проблемы: *Перед нами бурмистрами, райцами, и лавниками того року на справах судовыхъ в ратушу Полоцьком будучыми* (фраза устойчивая, обязательная во все записях).

В третьем блоке, языковое выражение которого устойчивостью не характеризуется, излагалась суть дела. Например: *Постановивъшысе очевисто мещанинъ места Полоцкого Яков Пчолка, сам и з умоцованым своим паном Крыштофом Левицьким, жаловал на пана Михаила Бака о неодъдане ему копъ деветисять грошей литовских, за певные речы винныхъ* (16).

В четвертом блоке содержалось решение суда, которое традиционно начиналось словами *Мы судъ* или *Мы врадъ*: *Мы судъ, заховуючысе водлугъ того добровольного прызнанья, тую копъ десеть грошей литовскихъ, а пры томъ и вьсе шкоды, наклады правные на немъ, Юрью Шымъковичу, ему, Ивану Курыловичу, всказуемъ и прысуждаемъ...* (39).

Актовая запись заканчивалась обязательной фразой *до книг меских записано: Которое таковое прызнанье арешту слуги врадового есть до книг меских записано* (14).

Таким образом, актовые записи в книгах городских магистратов имели свой формуляр, изучение и детальное описание которого позволит установить одну из важнейших особенностей старобелорусской деловой письменности.

Предпринятый нами обзор формулирует лишь некоторые проблемы лингвистического исследования актовых книг. Ясно одно: актовые книги городских магистратов являются ценными источниками по изучению старобелорусского языка, в истории которого деловая письменность сыграла важную роль.

Литература

1. Дзярнович О.И. О факторе литературного языка в многокультурном обществе ВКЛ XV – XVII вв. // Исторический путь литературной письменности. М., 2004. С.19-23.
2. Журавский А.И. О канцелярском языке Великого княжества Литовского // Ежегодник истории Литвы. Год 1983. - Вильнюс, 1984.
3. Ремнева М.Л. О содержании курса «История русского литературного языка» // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы междунар. конгресса исследователей русского языка, Москва, 13-16 марта 2001 г. / Моск. гос. ун-т. – М., 2001.

4. Магілёўскі магістрат. В. 1 – Мінск, 2006.
5. Вялікае княства Літоўскае. Эцiклапедыя. Т.1. – Мінск, 2005.
6. Соболевский А.И. Смоленско-полоцкий говор в XIII-XIV вв. // Русский филологический вестник. Т. XV, № 1. - Варшава, 1886.
7. Ляшкевiч В.М. Антрапанiмная сiстэма Вiцебска i Магілёва XVI-XVIII стст. – Мінск, 2004.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ